

— ЛАНА ЭВЕРА —

ИНОГДА
САМОЕ ГЛАВНОЕ
ПРОИСХОДИТ
НЕ В ДЕЙСТВИЯХ,
А В МОЛЧАНИИ.

ПРАВИЛА
идеального
СЛИЯНИЯ

ОНА ПРОВЕЛА СОТНИ ПЕРЕГОВОРОВ.
ПОСЛЕДНИЕ — С СОБОЙ.

18+

Лана Эвера

Правила идеального слияния

<https://litres.ru/74532518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это дневник женщины, которая держала всё под контролем — кроме себя самой.

Николь — звезда корпоративного Нью-Йорка, женщина с безупречным резюме и собранным сердцем. Восемь лет она ждёт, пока Карлос скажет «да», и каждый сезон слышит «может, летом». Восемь лет она надевает лучшее бельё и получает поцелуй в щёку. Восемь лет она убеждает себя, что терпение — это любовь.

Но однажды психотерапевт говорит: «Пиши. Без цензуры». И блокнот цвета спелой вишни становится зеркалом, в котором Николь видит себя — не топ-менеджера, не идеальную женщину, не преданную Хатико. Просто женщину, которая хочет быть живой.

За один год она проедет полмира и встретит мужчин, каждый из которых даст ей то, чего не давал Карлос: огонь, воду, воздух, землю. Но настоящая история — не о мужчинах. Она о том, как перестать ждать и наконец выбрать себя.

Тринадцать правил, двенадцать месяцев и одна женщина на пути к себе.

Содержание

Январь	7
31 января	20
ПРАВИЛО ИДЕАЛЬНОГО СЛИЯНИЯ № 1	21
Февраль	22
3 февраля	22
5 февраля	24
6 февраля	27
14 февраля	29
16 февраля	32
17 февраля	35
18 февраля	36
19 февраля	38
20 февраля	39
21 февраля	47
22 февраля	51
Март	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лана Эвера Правила

идеального слияния

Посвящается каждой женщине, которая ищет дорогу к себе

**Вместо
пролога
Обращение
к
той
,
которая
держит
эту
книгу**

Знаешь, когда я только начинала придумывать эту историю, я хотела написать идеальный роман: безупречный сюжет, безупречные диалоги, безупречную героиню, которая всё держит под контролем и ни разу не ошибается. Я даже список составила. А потом рассмеялась. Идеальная героиня быстро становится скучной. Интересна та, у которой план рассыпается, волосы живут отдельной жизнью, а достоинство иногда держится на одной чашке кофе.

Все персонажи и события этой книги полностью вымышлены. И всё же в её основе лежит живое, обнажённое сердце. Я бесконечно благодарна женщинам, которые доверились мне и поделились своими историями. Ваша смелость, ваши сомнения и надежды стали тем самым вдохновением, которое помогло мне создать собирательный образ Николь. Спасибо за ваши откровения — они подарили этой вымышленной истории настоящую душу.

Помни: зеркало этого романа отразит ровно то, что прямо сейчас болит, жаждет или ликует внутри тебя. Любые совпадения — лишь проекция твоей собственной души.

Часто нам кажется, что всё в жизни продумано и разложено по полочкам. А потом судьба одной тихой улыбкой выбивает опору из-под ног. Она не даёт гарантий, зато щедро преподает уроки. И самый главный из них начинается именно тогда, когда привычный мир рушится.

В такие секунды важно осознать: у Вселенной нет других рук, чтобы обнять и спасти тебя, кроме твоих собственных. Ты в силах переписать старый сценарий — ведь именно ты единственный архитектор своей судьбы и своего удовольствия.

Не бойся оставлять прошлое в руинах и смело иди навстречу своим страхам. Именно там, где ты отпускаешь тотальный контроль и начинаешь просто чувствовать, рождается твоя истинная, магнетическая сила. Сделай этот шаг к себе — настоящей, живой и свободной — и мир тихо от-

кликнется на эти перемены. Он больше не станет прежним, потому что навстречу ему наконец-то вышла женщина, которая перестала прятаться.

Мир ждёт именно тебя. Время пришло. А теперь — давай откроем первую страницу.

Январь

1

января

Этот дневник появился на свет исключительно по настоянию моего психотерапевта. На предновогоднем сеансе доктор посмотрела в мои уставшие глаза, где не осталось и намёка на веру в чудо, и спокойно сказала:

— Николь, купи блокнот. И пиши туда всё. Без цензуры, приличий и тормозов. Каждую грязную мысль, потаённый страх и эротическую фантазию, от которой сводит низ живота.

Терапевтическая уловка? Скорее чистый лайфхак. Пока мысли перестают метаться в голове и ложатся на бумагу — чёткие, дерзкие, иногда совершенно неприличные, — я хотя бы вижу, что происходит. Бумага, в отличие от людей, не перебивает и не говорит: «Ты опять всё усложняешь». Очень полезное качество.

Что ж, я послушно купила блокнот. Тяжёлый, в дорогом кожаном переплёте цвета спелой вишни. Провожу пальцами по матовой обложке — и будто ощущаю запах роскоши и скрытого порока. Поможет ли он мне склеить душу? Посмотрим.

2

января

С самооценкой у меня всё отлично — корона держится прочно. На работе я тоже звезда: всё горит и спорится, а самые сложные переговоры я обычно умудряюсь свернуть в свою пользу. Иногда мне даже кажется, что если однажды исчезнет весь отдел, я просто поставлю рядом вторую чашку кофе и продолжу.

Что ж, дорогой, готовься: пора устроить тебе изящный, чисто женский рейдерский захват. Посмотрим, к чему приведёт этот эксперимент. Но начать мне придётся с тотального разоружения перед самой собой. Никаких красивых фраз. Только правда. Даже если она будет корявой. Особенно если будет корявой. Погнали?

3

января

Для подписчиков в блоге я — безупречный фасад «сильной и независимой» женщины. В семейном чате родственников — главное разочарование. Несостоявшаяся свекровь наверняка назвала бы меня бесстыжей грешницей, в то время как подруги искренне верят, будто я круглосуточно проживаю ту самую заветную жизнь с обложки глянца.

Сколько людей — столько и диагнозов в моей карте общественного мнения. Если бы за каждый ярлык мне платили хотя бы по доллару, я бы давно купила тот самый уютный особняк в Хэмптоне. С бассейном. И желательно без соседей, которые знают, как мне правильно жить.

Но под слоями этих фильтров и чужих ожиданий скрыва-

юсь настоящая я. Николь.

И вот мне сорок два. Я никогда не была замужем, у меня нет детей. А из официальных достижений, способных довести консервативное общество до инфаркта, — успешная карьера и внушительная, кинематографичная коллекция историй исключительно горизонтального толка.

Признаю: некоторые мои романтические безумства были настолько горячими, что Квентин Тарантино, пожалуй, попросил бы добавить ещё пару сцен. Там было всё: от прохлады шёлковых простыней до решений, за которые наутро хотелось выписать себе строгий выговор. Хорошо хоть я умею смеяться над собой. Иначе пришлось бы заводить отдельный отдел внутреннего контроля.

Я так и не превратилась в каноническую домашнюю женщину, которая ждёт мужа у окна, пахнет сдобной выпечкой и баюкает троих ангелов. Но, чёрт возьми, я безумно люблю ту притягательную женщину, которая сейчас смотрит на меня из зеркала, медленно поправляя бретельку кружевного бра. Её взгляд — прямой, без оправданий. И в нём столько силы, что хочется рассмеяться: «Да, это я. И мне с собой не стыдно».

Сегодня утром, пока весь Нью-Йорк ещё спал, я сделала две вещи, которые никак не связаны ни с работой, ни с мужчинами. Первая — расстелила коврик для йоги. Психотерапевт назвала это заботой о себе. Я назвала это попыткой не поссориться с собственным позвоночником. Вторая — запи-

салась на курс корейского языка. Видимо, кризис среднего возраста у меня будет с субтитрами.

Клеопатра знала девять языков, я пока остановилась на четырёх — пора догонять. Деловой английский, чувственный французский, обжигающий испанский и русский, на котором моя мама умеет выразить недовольство одним взглядом. Корейский будет пятым. В моём случае полиглотство — это не амбиция. Это способ не заскучать.

8

января

Сегодня мой законный, выстраданный выходной, который я — как истинная женщина со сложной и трепетной душевной организацией — решила потратить на свидание со своим мужчиной. Да-да-да... Вопреки моему плотному графику «неожиданных приключений» (которые я, клянусь, никогда не планирую заранее — они всегда находят меня сами), у меня есть постоянные, глубокие отношения.

Мужчина, от которого я вот уже восемь лет жду заветного кольца. Восемь лет — Карлос. За это время можно было дважды окончить Гарвард, сделать карьеру в НАСА или вырастить троих детей. Но я предпочла роль преданной Хатико, чьё затянувшееся ожидание щедро приправлено латиноамериканской страстью. Правда, страстью преимущественно с моей стороны.

Если быть до конца честной, в этой бесконечной драме материальную выгоду получил лишь один человек — мой

психотерапевт. На деньги, которые я принесла ей за годы разговоров о наших бруклинских отношениях, можно было бы уже поставить небольшой памятник моему терпению. Желательно с табличкой: «Она правда старалась».

10

января

Карлос принадлежит к той категории мужчин, которых принято политкорректно называть «молодыми сорокалетними». Если быть совсем точной, ему тридцать восемь. Он чертовски, породисто красив. Из тех порочных красавцев с обложки глянца, от одного взгляда на которых у женщин мгновенно подкашиваются колени. Карлос всегда полон грандиозных планов и обладает одной огромной, всепоглощающей любовью в жизни — к своей маме, живущей в Буэнос-Айресе. Однако для их неземной духовной связи пять тысяч миль Атлантического океана — так, мелкие брызги.

В свободное от бесконечных созвонов с Аргентиной время Карлос работает успешным архитектором. Его гонораров вполне хватает, чтобы покрывать аренду роскошного лофта в Бруклине с панорамным видом на Манхэттенский мост. А ещё он тотально увлечён саморазвитием, медитациями и высокими материями.

Карлос настолько глубоко ушёл в свой внутренний дзен, что почти не замечает других женщин. Иногда мне кажется, что в минуты просветления он вообще забывает, что рядом с ним есть женщина. Я. Очень удобно. Особенно если ты эта

женщина.

Пока я мысленно срываю с этого латиноамериканского Аполлона льняную рубашку, представляя его горячие руки на своих бёдрах, он может часами, увлечённо и мягко рассказывать мне о влиянии фаз луны на архитектуру будущего. Плотские утехы для него слишком приземлены. Наш духовный гуру занят созерцанием прекрасного, пока его женщина медленно сходит с ума от нереализованного желания в кружевном белье за пятьсот долларов.

И ровно в тот момент, когда я уже готова задушить его этой самой бретелькой, его телефон разрывается привычной мелодией — той самой, которую он не меняет годами. Космос замирает. На экране вспыхивает надпись: «Мамуля». Мой бруклинский Будда мгновенно теряет свой астральный вид, расплывается в детской улыбке и щебечет в трубку: «Привет, мамочка!»

Кажется, архитектура будущего подождёт. Как и я.

12

января

Иногда мне кажется, что я живу на двух разных частотах: на одной я всё контролирую, закрываю сделки и держу лицо, а на другой — просто женщина, которой хочется, чтобы её заметили не как идеального партнёра, а как желанную. Эти частоты никак не хотят синхронизироваться. И, честно говоря, я устала быть собственной службой технической поддержки.

Сегодня утром, на коврике, в тишине, я вдруг вспомнила Фриду Кало. Не её цитаты — её автопортреты. Фрида рисовала свою боль — буквально: каждый холст был попыткой посмотреть на собственные раны и не отвернуться. Сломанный позвоночник, предательство Диего, выкидыши — она не прятала этого, она переводила боль в цвет и линию. Я не рисую. Я записываю. Разница в том, что Фрида стала гением, а я пока просто женщина с дорогим блокнотом. Но суть одна: пока ты не посмотришь своей боли в глаза — она будет смотреть на тебя из каждого угла.

В такие моменты я думаю о надежде. Не о красивой, книжной надежде, а о той, которая умеет держать тебя на одном месте годами. Она шепчет: ещё немного, ещё неделя, ещё один разговор — и всё изменится. Удобная штука. Почти как обезболивающее. Только потом обнаруживаешь, что вместе с болью она выключила и движение. А я больше не хочу жить в режиме «ещё немного».

14

января

Оказывается, слухи о грядущем слиянии компаний — все не слухи. Завтра босс собирает экстренное совещание, чтобы озвучить стратегический план на год, свои гениальные идеи и... тайные сомнения.

Шеф мне безумно доверяет. Я для него — правая рука. И левая, к слову, тоже. Что касается масштаба моих официальных обязанностей, его можно смело сравнить со всеми

томами «Гарри Поттера», сложенными вместе. С той лишь разницей, что магии во всей этой рутине ноль, а ответственности — на целую армию.

Закрывая крышку ноутбука в конце таких дней, я выбираю из головы **всю эту бесконечную гонку за продуктивностью**. Мои мысли — только о ночи. О пространстве, где я вправе быть и царицей, и наложницей — кем угодно, лишь бы оставаться собой, не думая о том, чего от меня ждут. Там я разрешаю себе всё: властность и уязвимость, капризы и нежность. Там нет правильного и неправильного. Есть только я — настоящая, живая и противоречивая»

Потом я встряхиваюсь, одёргиваю рукав безупречно выглаженного пиджака, делаю глоток остывшего кофе — на вкус он уже как слёзы главного бухгалтера, — и усмехаюсь. Ну да, Николь, прекращай. Какая ещё «ночь без правил»? Твой максимум на сегодня — страстный роман с ортопедической подушкой и проверка, включен ли рабочий чат. То же, между прочим, отношения.

18

января

На выходных мы с Карлосом катались на коньках. Идеальная зимняя открытка: пушистый снег, далёкие огни Бруклина, мы красиво скользим по зеркальному льду, нежно держась за руки, а после — обедаем в невероятном японском ресторане, где подают лучшие суши на Манхэттене. О сексе можно даже не спрашивать. Логика моего дневника проста

и безжалостна: если я не пишу о нём, значит, его не было.

Моя жизнь с этим породистым мужчиной вполне могла бы превратиться в красивую историю любви со страниц глянца. Или — в самое настоящее романтическое болото: тихое, благополучное, подёрнутое зелёной ряской предсказуемости. Не опасно. Не больно. И до невозможности скучно. А скука, как выяснилось, тоже умеет разрушать отношения — просто делает это в тапочках.

У нас, точнее у меня, есть один маленький, крошечный нюанс размером с Эмпайр-Стейт-Билдинг: Карлос меня не хочет.

Не то чтобы совсем. Изредка, примерно раз в три-четыре месяца, он всё же сдаётся под моим яростным натиском. В эти редкие ночи я выжимаю из себя максимум: лучшее шёлковое бельё, соблазнительные изгибы, шпильки и томные стоны. Но когда этот мимолётный праздник плоти заканчивается, я снова возвращаюсь на сухой паёк.

На мои прямые, полные отчаяния вопросы: «Ты не хочешь меня? Со мной что-то не так?» — он неизменно смотрит на меня своими бездонными глазами, мягко прижимает к груди и отвечает: «Николь, ну что за глупости. Я безумно тебя хочу. И я показываю тебе это каждый раз, когда обнимаю».

В такие моменты он обнимает меня примерно так же, как я обнимаю свою любимую бабушку. Тепло, уютно, безопасно. И абсолютно, кастрирующе асексуально. В эту секунду

во мне заживо умирает женщина и рождается циничный терапевт, готовый кричать от бессилия.

Иногда я думаю: если уж искушение пришло, может, не стоит делать вид, что его нет. Моё тело давно знает ответ раньше головы. Я чувствую желание каждой клеткой — и именно поэтому особенно смешно наблюдать, как Карлос сидит напротив со своим ледяным дзенем. Я скольжу ладонями по его горячей коже, жду ответного огня и натыкаюсь на тишину. Невероятно. Даже лёд в Центральном парке кажется мне темпераментнее.

Мой бруклинский архитектор глух к этой частоте.

20

января

Восемь бруклинских лет с Карлосом — далеко не первая жемчужина в ожерелье моих напрасных девичьих надежд. До этого яркого, но бесплодного аргентинского карнавала в моей жизни был Сергей — мужчина с Урала, чьи пальцы творили со мной такую виртуозную тактильную магию, что сам Моцарт, услышь он эту партитуру хриплых вздохов, тут же переписал бы свои шедевры.

Эти симфонии чистого удовольствия могли бы войти в золотой фонд мировой классики... если бы хоть одна из них закончилась маршем Мендельсона.

Семь лет на Урале, восемь в Нью-Йорке. Складываю — получается пятнадцать лет ожидания кольца. Вполне приличный тюремный срок за преступление, которого я не со-

вершала. Или диплом профессора по дисциплине «Искусство наступать на одни и те же грабли».

Пора завязывать с философией. Питаться иллюзиями пятнадцать лет подряд — это уже какое-то расстройство пищевого поведения. Хватит раскисать, Николь. Можно признать, что тебе больно, и всё равно встать. Эти две вещи прекрасно уживаются в одном человеке.

25

января

Сегодня днём шеф вызвал меня к себе. Мой обычно непроницаемый босс выглядел потерянным. Делясь тревогами по поводу грядущего слияния, он подошёл почти вплотную и протянул мне увесистую папку, тихо, почти заговорщически произнеся:

— Николь, я не могу доверять это никому, кроме тебя. Пожалуйста, разберись.

Эти сомнения материализовались в конфиденциальный архив объёмом ровно в сто тридцать пять страниц. Именно им я и занимаюсь всё своё рабочее и нерабочее время. Сто тридцать пять страниц коммерческих тайн, финансовых графиков и чужих грязных секретов были вручены прямо в мои руки.

Которую ночь подряд я пью литрами крепкий чёрный кофе, чтобы не уснуть прямо на бумагах и хоть как-то удерживать ускользающую реальность. Пока весь Нью-Йорк за окном наслаждается жизнью, я сижу в шелковом халате на по-

лу среди распечаток, пытаюсь раскодировать этот корпоративный ребус.

Мои пальцы скользят по гладкой, прохладной бумаге документов с той же чувственной точностью, с какой когда-то скользили по горячей коже мужчин, оставивших след в моей памяти.

Сейчас моим главным, самым требовательным и ненасытным любовником стал этот аудит грядущего слияния. Из плюсов: от этого партнёра я гарантированно получу полное, стопроцентное удовлетворение всех моих амбиций. И, в отличие от Карлоса, с которым мы всю неделю общаемся исключительно в режиме сухих рабочих созвонов, этот бумажный мерзавец хотя бы физически присутствует в моей спальне. Главное — выдержать этот марафон и не умереть от истощения прямо на нашей бумажной постели.

30

января

Я до сих пор перебираю этот тайный архив. Вчитываюсь. Вылавливаю нестыковки между строк. Но мозг, уставший от сухих цифр, упрямо улетает в другие плоскости. К Клеопатре, например. Я думаю о женщинах, которые умели не только нравиться, но и говорить так, чтобы их слушали. Клеопатра знала девять языков — и, если верить историческим рассказам, прекрасно понимала цену точного слова. Вот чему я действительно хочу у неё научиться: не соблазнять словами, а попадать ими точно в цель.

Жаль, Клеопатра родилась не в том веке. Мы бы точно пили с ней ледяное игристое в изнеженном полумраке первого класса, небрежно покачивали туфлями на шпильках и перемывали кости мужчинам. И за бокалом я бы обязательно вывела, с кем из римских топ-менеджеров свидания были ярче — с Юлием Цезарем или Марком Антонием. Хотя, судя по финалу их историй, корпоративный аудит в Древнем Риме хромал на обе ноги. Цезаря зарезали в сенате, Антоний сам ушёл из жизни после поражения при Акциуме, а Клеопатра... Клеопатра выбрала себя. Не Цезаря, не Антония — себя. Пусть и драматично, пусть с аспидом — умное, кстати, слово: так называют ядовитую змею, а не только экзотическую мазь для губ. Но — себя. И в этом мы, может быть, похожи. Только я пока не готова ни к аспиду, ни к драме. Я пока просто покупаю блокнот и учу корейский. Но направление — то же.

31 января

Последний день месяца. Утренняя йога, пятьдесят корейских слов, литр кофе. Единственное, что полностью моё, — не Карлос, не работа, не чужие ожидания. Коврик, блокнот, дыхание. И тихое, пока ещё непривычное ощущение: я начала что-то, что принадлежит только мне. Маленький шаг? Конечно. Но я никогда не обещала себе начинать с гигантских прыжков.

Доктор спрашивала на сеансе: «Чего ты хочешь?» Я ответила: «Чтобы он меня выбрал». Она помолчала и спросила: «А ты себя — выбрала?» Я тогда не ответила. Но сегодня, стоя на коврике в тишине, впервые подумала: может быть, это и есть первый шаг. Не ждать, когда выберут. А выбрать себя. Самой. Даже если страшно. Даже если пока не очень получается.

ПРАВИЛО ИДЕАЛЬНОГО СЛИЯНИЯ № 1

Не соглашайся на роль второстепенного персонажа. Если ради мужчины тебе приходится сознательно уменьшать масштаб собственного «Я», это не компромисс, а постепенная потеря себя. Ты заслуживаешь быть соавтором отношений, а не удобным дополнением к чужому сценарию.

Февраль

3 февраля

Вопросы шефа по поводу слияния растут как лавина: на одну найденную нестыковку он стабильно присылает десяток новых запросов. Конечно, приятно, когда уважение к твоему профессионализму пробивает потолок, но даже державшему небо Атланту наверняка иногда хотелось сбросить этот купол и уйти в законный отпуск. Ничего, уральское упрямство просто так не сломить. Пусть лавина катится — я пересчитаю её по снежинке.

Во всём этом безумии есть один жирный плюс: из головы наконец-то выветрился Карлос с его вечными «не могу», «я занят» и «у меня новый проект». Оказывается, чужие финансовые махинации — лучшее успокоительное для разбитого сердца. Пока я увлечённо копаюсь в графиках, мои личные драмы послушно стоят в сторонке. Сейчас явно не до них, сейчас — время снежинок.

Утром, перед тем как нырнуть в эту корпоративную мясорубку, двадцать минут на коврик. Йога становится моим единственным островком, где я не думаю. Тело тянется, дыхание выравнивается, и на секунду я забываю, что у меня есть телефон, почта и босс. Потом открываю глаза — и всё

возвращается. Но эти двадцать минут мои. Только мои.

В обед я всё-таки вышла на улицу ради своего маленького бунта. Целых пять минут демонстративно не проверяла почту и не спасала мир — стояла на бруклинском ветру с чашкой кофе, наслаждаясь священным правом на тишину посреди корпоративного апокалипсиса.

Правда, моя свобода продлилась ровно четыре минуты и сорок семь секунд. Именно столько времени потребовалось боссу, чтобы выдать в мессенджер три «СРОЧНО!» и одно паническое «Ты где?!». Ну и ладно. Зато я успела почувствовать себя женщиной, которая способна на пятизначный бунт. Маленький, жалкий, с дедлайном — но бунт.

5 февраля

Прилетела мамочка моего ненаглядного Карлоса. И я искренне не понимаю, почему эта почтенная донья может десять дней жить с ним под одной крышей в бруклинском лофте и совершенно не мешать будущему гению архитектуры. Ей позволено крутиться вокруг него и нарушать любые личные границы, а вот мне, его женщине, отвлекать творца от чертежей и высоких материй категорически запрещено. Моё присутствие, видите ли, разрушает его хрупкий творческий дзен.

Сегодня я приглашена на этот семейный праздник фальшивого счастья. Несостоявшаяся свекровь уже приготовила традиционный аргентинский ужин и теперь ждёт встречи с той самой «замечательной девушкой», которая так самоотверженно помогает её мальчику стать выдающимся архитектором. Великим мастером, которому спустя тысячелетия будут аплодировать чьи-то чужие правнуки. Ведь своих правнуков у Карлоса определённо не будет. Ну, по крайней мере, со мной. С нашей частотой интимной жизни я пока не вижу ни единого шанса даже на зачатие, не говоря уже о продолжении рода.

И тут я вспоминаю Заху Хадид. Женщину, которая в мире прямых линий умудрилась сделать кривую своим языком. Она получила Прицкеровскую премию — высшую награ-

ду в архитектуре, — и всю жизнь строила то, что другим казалось невозможным. Её проекты не просили разрешения быть странными, смелыми или непохожими. Они просто были такими. Мне нравится эта мысль. Красота не обязана быть симметричной. И женщина тоже.

Я вспоминаю Заху не с грустью — с уважением. Она выбрала свой путь и прошла его до конца, без оглядки на чужие ожидания. Но когда я смотрю на Карлоса, который тоже спит по четыре часа и тоже считает работу своей единственной семьёй, я вижу: он — не Заха Хадид. Заха горела своим делом так ярко, что мир не мог отвести взгляд. Карлос же прячется за работой, как за стеной, и называет это «дзеном». Заха не вышла замуж не потому, что боялась — а потому что не хотела. Карлос не строит семью не потому, что не хочет — а потому что не может. Разница тонкая, как линия чертежа, но именно она разделяет величие от бегства.

Карлос со своей мамочкой напомнили мне старика Фрейда, который считал, что вся человеческая жизнь движется двумя моторами: жаждой величия и сексуальным влечением. Не буду спорить с классиком — мой аргентинский Будда явно загнал оба мотора в один гараж, но завести умудряется только первый. Величие? Полный вперёд. Сексуальное влечение? Стоит в гараже на ручнике, аккумулятор сел, а мамуля потеряла ключи.

Искренне надеюсь, что доктор на следующем сеансе не станет диагностировать мне банальный мазохизм. Пусть это

будет что-то более элегантно: «хроническая склонность к самообману с элементами театрального оптимизма». Звучит почти как диагноз, которым можно гордиться. А если Фрейд прав и Карлос действительно строит свои башни ради величия, то мне остаётся только признать: здания не уходят. Здания не требуют. Здания вообще умеют быть очень удобными партнёрами.

6 февраля

Из плюсов вчерашнего вечера — я очень вкусно поела. Мамуля Карлоса оказалась женщиной словно из рекламы майонеза: заботливой, милой, лучезарной и до приторности правильной. Она щедро угощала меня национальными блюдами, подкладывала лучшие кусочки и расспрашивала о жизни так внимательно, будто проводила собеседование на должность идеальной невестки.

Но самое интересное — вопросов о том, почему мы до сих пор не съехались, планируем ли свадьбу и собираемся ли заводить детей, не прозвучало вовсе. Словно этих тем в нашей вселенной не существовало. Весь званый ужин напоминал тщательно отрепетированный перформанс. Кто-то очень хотел показать любимому сыну, что принимает его жизнь ровно такой, какая она есть, и готов наглядно продемонстрировать миру, что такое высшая, безусловная материнская любовь.

Святая донья прилетела за пять тысяч миль не для того, чтобы познакомиться с будущей невесткой. Она прилетела, чтобы укрепить стены его бруклинской крепости и напомнить, что главная женщина в его жизни уже заняла свой трон. А я в этой архитектуре — лишь временный декоративный элемент на фасаде. Тот самый, который при желании легко заменить на что-то более актуальное.

Внутри меня мой огненный знак до сих пор рвёт и мечет. Хочется кричать от этой удушающей фальши. Карлос, если бы не моя любовь — или то, что я упорно привыкла называть любовью к тебе, — я бы давно продала этот абсурдный сюжет на какое-нибудь второсортное комедийное шоу. Публика бы рыдала от смеха.

Помню, как сразу после еды я поспешила сбежать наружу. Вдохнула ледяной воздух. Холод медленно пробирался под пальто, но это даже хорошо — он так отрезвлял. Он возвращал мне понимание того, что у меня есть пульс, есть голос и есть право злиться. А злость куда лучше, чем пустота и надежда, которую я так старательно выдавала за гармонию.

Если донья прилетела напомнить, что трон главной женщины в жизни её сына уже занят — ради бога. Пусть сидит на нём сама, карауля его чертежи и остывающий соус. Мой огненный знак слишком ленив, чтобы воевать за место на фасаде чужой крепости. Корону на голову, шпильки повыше — и вперёд. Если Карлосу так дорог его архитектурный дзен, пусть и дальше медитирует на него вдвоём с мамой. А этот элемент декора уходит на реставрацию в более тёплые и перспективные края.

14 февраля

Я поняла, что сегодня четырнадцатое февраля, только вечером.

День был таким плотным, что я почти не замечала ничего, кроме экрана, звонков и бесконечных правок к проекту. У Карлоса, судя по сообщениям, происходило примерно то же самое. Мы оба утонули в работе настолько глубоко, что даже День святого Валентина прошёл где-то рядом — тихо, почти незаметно.

В семь вечера мне позвонили с ресепшена.

— Николь, вам цветы.

Я удивлённо посмотрела на букет. Красивый. Сдержанный. Без огромного банта и без открытки размером с кредитный договор. Только маленькая карточка. «Для тебя. Даже если сегодня у нас опять не получилось». Я улыбнулась. Конечно, Карлос. Он умел быть внимательным именно так — без лишнего шума. Цветы вместо длинных признаний. Жест вместо разговора.

Я написала ему:

— Спасибо. Они прекрасны.

Через несколько секунд пришёл ответ:

— Я хотел забрать тебя сегодня. Но у меня ещё два звонка и встреча, которую невозможно перенести.

Я посмотрела на часы.

У меня в календаре тоже стояли две встречи, незаконченный проект и письмо, которое я откладывала с утра.

— У меня то же самое.

Пауза.

— Тогда завтра?

Я улыбнулась экрану.

— Завтра.

Но завтра тоже оказалось занятым.

А потом я вспомнила, что сама приготовила ему подарок.

Небольшой чёрный блокнот в кожаной обложке — плотная бумага, удобный формат, ничего лишнего. Я выбрала его в магазине для дизайнеров и архитекторов, потому что знала: Карлос постоянно делает какие-то наброски, записывает идеи на полях документов и умудряется находить вдохновение даже там, где нормальный человек ищет только ручку.

На первой странице я написала: «Для проектов, которые ещё не существуют». Я собиралась отдать его лично. Но мы так и не встретились.

В тот вечер цветы стояли у меня на столе, его подарок лежал в ящике, а между нами снова был экран телефона. И почему-то меня это не расстроило. Раньше я бы решила, что любовь должна обязательно выглядеть как ужин при свечах, поцелуй ровно в полночь и два человека, которые нашли в календаре одну свободную клетку.

Теперь я смотрела на всё иначе. Иногда люди любят друг друга и всё равно не успевают встретиться. И, может быть,

самое важное — не то, удалось ли вам отметить четырнадцатое февраля. А то, хочется ли вам всё ещё увидеть друг друга пятнадцатого.

16 февраля

Бесконечные созвоны, лавина писем и круглосуточные дебаты с представителями другой компании, которые издевательски вежливо спорили со мной с безупречным британским акцентом, превратили мои нервы в тонкую серую бумагу. Ещё один неосторожный выдох — и они рассыплются. Но ничего. Пока этот пепел держит форму, я всё ещё топ-менеджер.

Я чувствую, что нахожусь в одном шаге от цунами. Если начальник задаст мне ещё хотя бы один, даже самый мелкий уточняющий вопрос по этому слиянию, я сорвусь. Я выдам ему в одном письме всё, что думаю о его конфиденциальных архивах, о его параноидальной тревожности и о том, сколько личных оргазмов я принесла в жертву его годовому отчёту. Всё, что я так долго и упрямо подавляла, копится внутри, превращаясь в ядерный заряд. Главное — случайно не нажать кнопку «Отправить всем», иначе этот взрыв уничтожит не только мою карьеру, но и всю мировую экономику.

Моё истощённое тело и остатки серого вещества внутри черепушки уже не просто просили, а громко требовали немедленной эвакуации из этого офисного ада. Пришло время вспомнить, что если Карлос не способен растопить этот лёд, мне срочно нужен другой источник тепла. Иначе этот февраль меня просто уничтожит.

Спасение пришло в 17:58. Телефон затрещал от ультимативного сообщения Тани, которая велела мне выключить мозг, напечатать «да» и приготовиться к срочной барной эвакуации через сорок пять минут. В этот момент тугая пружина внутри меня наконец-то издала облегчённый скрип. Пальцы сами наклацали согласие. Всё-таки иметь друзей, способных вовремя заблокировать для тебя радиационную зону — это бесценно.

В полутёмном баре за углом, где бармен смотрел на меня с таким пониманием, будто сам только что провёл экстренное совещание с Федеральной резервной системой, Таня молча подвинула ко мне стакан. Её тост был монументален: за нас прекрасных и наши суперспособности, а также за алкоголь — потому что он отличный анестетик, когда ромашка уже бессильна. И тут с меня словно сполз многотонный рюкзак с чужими миллионными косяками. Как же я была ей благодарна! Таня лишь закатила глаза, напомнив, что глупые советы в духе «посмотри на ситуацию с другой стороны» дают только люди, у которых в почте пять писем, а не целая агрессивная цивилизация, как у меня. На этот вечер мы официально объявили этой цивилизации бойкот.

Финальным аккордом нашей экспресс-терапии стало её секретное оружие. Из сумки на стол с глухим стуком переключал главный антистресс вселенной — крошечная резиновая утка. Жёлтая. С абсолютно идиотским бантиком. Мне было торжественно велено водрузить этот шедевр на рабо-

чий стол как напоминание: я не обязана косплеить железную леди двадцать четыре на семь. По авторитетному заверению Тани, утка лично прошла крещение двумя её увольнениями и одной налоговой проверкой, так что заменяет любые за- нудные медитации под тибетские чаши.

Я рассмеялась — впервые за месяц по-настоящему, от души. Мы чокнулись, и этот глухой стук стекла о стекло прозвучал куда оптимистичнее, чем все квартальные отчёты моего босса вместе взятые. Я всё ещё жива. И у меня есть утка. Правда, судя по количеству пустых стаканов на нашем столе, завтра моему истощённому телу понадобится уже не эвакуация, а полноценный политический выкуп. Но это проблемы завтрашней Николь. А сегодняшняя — официально передаёт бразды правления холдингом резиновой птице и идёт заказывать ещё один анестетик.

17 февраля

Бумаги, контракты и отчёты слились в одно сплошное серое пятно. Ещё неделя в таком режиме — и мне понадобится не психолог, а психиатр с рецептом на что-то очень тяжёлое. Где Карлос, когда я на грани? Таня мчится через весь город с резиновой уткой наперевес, а мой гений архитектуры не может согласовать проект нашего совместного проживания. Восемь лет я слышу, что «этот год мегаважен для карьеры». Цифры в календаре меняются, а его отговорки монументальны, как египетские пирамиды.

Жёлтая представительница пернатых глянула на меня со взглядом **дипломированного семейного психолога, чья бесплатная консультация явно намекала, что за восемь лет можно было и догадаться:**

— Карлос? Наверное, где-то рядом с мамой и словом «потом». Не отвлекайся.

18 февраля

Я действительно на грани, так дальше продолжаться не может. Сегодня я подошла к боссу и поставила его перед фактом: в пятницу и понедельник меня не будет. Не спрашивая разрешения, не пытаюсь объясниться, не подбирая вежливые формулировки, которые всё равно звучали бы как извинения. Мне кажется, он всё понял по одной лишь моей интонации. Спорить со Стрельцом, который находится на грани эмоционального взрыва, — себе дороже.

Босс лишь коротко кивнул и спокойно ответил:

— Хорошо, Николь. Но во вторник ты обязана быть на рабочем месте. У нас важнейший онлайн-митинг с Англией.

Я согласилась, развернулась и в ту же минуту купила билет на самолёт. Прямо там, в коридоре, не отходя от кабинета, пока адреналин ещё гудел в висках, а внутри звенело это самое простое и честное: «Я больше не буду ждать, пока мне разрешат выдохнуть».

Пальцы дрожали, когда нажимала «оплатить». Когда на экране высветилось «бронь подтверждена», я на секунду замерла. Потом вернулась к столу, где всё это время стояла моя утка — жёлтая, в бантике, невозмутимая, будто она и не сомневалась, что рано или поздно я решусь. Я посмотрела на неё и сказала шёпотом, чтобы никто не услышал:

— Ну вот. Я еду. А ты остаёшься. Будешь здесь, на стра-

же. Чтобы в пятницу и понедельник никто, ни один человек, не посмел тронуть мои бумаги, переставить мою кружку или задать «один маленький уточняющий вопрос». Ты — мой охранник. Поняла?

— Только давай без возвращения через три дня с фразой «я всё поняла». Ты это уже поняла восемь лет назад, — с видом адвоката, чей подзащитный упорно продолжает давать показания против себя самого, посмотрела на меня утка.

19 февраля

Ещё один день. Всего один день — и я окончательно растворюсь в оглушительной, исцеляющей тишине. Впрочем, какая к чёрту тишина, когда мой огненный знак требует огня, рома и бешеного ритма? Я лечу на Кубу. В Гавану, прямо навстречу обжигающему солнцу и греховной порции сальсы.

Утром, перед вылетом, двадцать минут на коврик. Корейский подкаст в наушниках. В аэропорту повторяю слова: «спасибо», «здравствуйте», «я люблю тебя» — последнюю выучила на всякий случай, хотя пока не знаю, к кому его применю. Может быть, к самой себе. Впервые за долгое время.

20 февраля

Само слово «сальса» в переводе с испанского означает «соус». Но на Кубе этот соус замешан на чистом, концентрированном вождении к жизни. Это единственный в мире танец, где абсолютно чужие люди всего за три минуты способны прожить целый спектр эмоций — от тонкого, дразнящего флирта до полного, безоговорочного доверия.

В моём случае это был танец, который был жизненно необходим по медицинским показаниям уязвлённого женского эго.

Моя американская жизнь превратилась в капкан. Я дезертировала одновременно от двух главных диктаторов: от изнуряющей офисной рутины с её вечными контрактами о слиянии компаний и от Карлоса, чьё кольцо окончательно превратилось в жанр ненаучной фантастики. Если бы я прямо сейчас не устроила этот дофаминовый бунт, меня бы пришлось утилизировать по статье «выгорание».

Так я оказалась в Старой Гаване, на фестивале уличной сальсы — там, где люди умеют дышать страстью здесь и сейчас, совершенно не собираясь откладывать свои радости на следующий отчётный квартал.

Гуляя по Гаване, я наткнулась на дом, где жил Хемингуэй. Там я вспомнила простую мысль: иногда достаточно честно назвать то, что с тобой происходит, — и дальше становится

понятнее, куда идти. Моё честное предложение на сегодня звучало совсем не литературно: я устала ждать. И, пожалуй, этого уже достаточно, чтобы начать двигаться.

Один из закрытых ночных мастер-классов забросил меня в потрясающий, полуразрушенный колониальный особняк. Томный полумрак зала взорвался бешеной кубинской музыкой. Я бросилась на паркет, кружась в безумном ритме в сильных, уверенных руках местных танцоров.

В самый пик этого танцевального безумия, когда музыка внезапно сменилась на тягучий, гипнотический ритм, толпа передо мной словно расступилась. Моё гравитационное поле мгновенно перехватило управление, и я столкнулась взглядом с Матео. Местный танцор с кожей цвета тёмного выдержанного рома и взглядом, от которого под ложечкой мгновенно загорелся опасный, голодный огонь.

Матео просто подошёл ко мне и протянул руку. В ту же секунду между нами вспыхнула такая бешеная химия, будто нас прошибло мощным разрядом тока от одного лишь первого прикосновения его горячей ладони к моей. Он двигался как бог — с невероятной, завораживающей грацией. При этом он вёл меня потрясающе чутко, бережно оставляя идеальное пространство для моего собственного самовыражения.

Когда музыка стихла, Матео плавно опустил мою руку, поднёс её к губам и тихо сказал: — «Спасибо» — по-испански: *gracias*. Но прозвучало это не как дежурная вежли-

вость, а как настоящее, глубокое признание. После чего он уставился мне прямо в глаза, безбожно нарушая все правила приличия. По законам психологии незнакомцы удерживают взгляд не дольше пары секунд, но Матео плевать хотел на академические догмы. Его взгляд сканировал меня бесконечные девять секунд. Девять! За это время я успела мысленно составить план на следующий квартал и трижды сгореть от стыда.

Потом он сказал что-то по-английски. Точнее, попытался: — «Ты... очень...» — *You are... very...* — попытался он сказать по-английски, но слово повисло в воздухе, недосказанное. Он потёр затылок, посмотрел в сторону. Потом переключился на испанский, и голос его мгновенно обрёл бархат и уверенность: — «Ты танцуешь так, будто никто на тебя не смотрит» — *Bailas como si nadie te estuviera mirando.*

Вот это я поняла сразу. И не только слова — интонацию. На испанском Матео был богом, повелителем ритма и паузы. На английском — человеком, который боится ошибиться и потому говорит коротко и осторожно. Одна трещина в фасаде мачо — и вдруг видно: за хищным взглядом прячется мужчина, который просто не хочет выглядеть глупо. Не женщина его смущала. Язык. И это почему-то делало его ещё привлекательнее.

В ту же секунду меня перехватил другой кавалер. Но с кем бы я ни танцевала в этот вечер, магии не случилось. Это

как после выдержанного коллекционного рома пить диетическую газировку без газа.

Матео не заставил себя долго ждать. Стоило музыке смениться на тягучие, манящие аккорды, как он снова материализовался передо мной и молча протянул руку. Но я не была бы Стрельцом и топ-менеджером со стажем, если бы просто покорно вложила пальцы в его ладонь. Мне отчаянно хотелось щёлкнуть по носу этого самоуверенного бога паркета, сбить с него латиноамериканскую спесь и проверить, как его хвалёная система справится с уральским кризис-менеджментом.

Я лукаво прищурилась и с лёгким вызовом выдала на его родном языке: — «Знаешь, Матео, твоя техника безупречна, но шаги слишком предсказуемы» — **Sabes, Mateo, tu técnica es impecable, pero tus pasos son demasiado predecibles.** — Ты всех туристок в Гаване танцуешь по одной программе, или твой темперамент сегодня просто взял отгул за свой счёт?

Матео на секунду замер. В его глазах вспыхнул опасный огонёк азарта. Шах и мат, мальчик, вызов принят. Сделав шаг вперёд и безжалостно растоптав мои личные границы, он наклонился к самому уху. Его дыхание заставило моё сердце пропустить удар, а тихий шёпот окончательно добил остатки моего профессионального самообладания:

— Просто я привык беречь хрупких иностранок. Но раз ты сама просишь погорячее... держись крепче.

Прекрасно, Николь. Хотела проверить его на прочность?

Кажется, сейчас проверять на прочность будут твой вестибулярный аппарат и остатки здравого смысла...

С этого момента танец перестал быть просто танцем. Мы двигались в едином гипнотическом порыве. На финальных, оглушительных ударах барабанов Матео резко увлёк меня в глубокий наклон. Я полетела спиной вниз, полностью доверившись сокрушительной силе его руки. Мир перевернулся, и в этой точке невозврата до меня дошло: я наконец-то отпустила контроль. Для человека, который планирует дедлайны даже во сне, это было самым смелым поступком за последние восемь лет.

Не разрывая объятий, он вернул меня в вертикальное положение и увлёк прочь из душного зала. Мы миновали прохладный полумрак коридоров и выскочили на огромный, полуразрушенный колониальный балкон. Вокруг раскинулась ночная Гавана, а прямо под нами пульсировала улица. Город дышал в такт моему сбившемуся пульсу.

Ночная жара обволакивала, как тёплое полотенце, а океанский ветер безуспешно пытался остудить мои разгорячённые плечи. Матео стоял слишком близко. От него исходило такое густое тепло, будто рядом включили камин. Сантиметры между нами стремительно капитулировали, пока не исчезли окончательно.

Он притянул меня к себе — без лишней суеты, но так, что спорить было бы просто глупо. Его пальцы скользнули по линии плеч, а затем он медленно наклонился и коснулся

моих губ. В этом поцелуе не было торопливости — только бесконечная, укрывающая от всего мира страсть, сокрушительная и глубокая.

Его руки уверенно скользнули по моей спине, и я почувствовала, как всё, что я так тщательно выстраивала восемь лет — контроль, график, расписание, осторожность, — осыпается, как штукатурка со старого колониального фасада. Матео целовал меня так, будто я — единственное, что имеет значение в эту ночь, на этом балконе, в этом городе. Не «я тебя обнимаю, как бабушку». Не «я показываю тебе любовь через объятие». А так, от чего перехватывает дыхание и забывается имя.

Мы поднялись в его крошечное убежище под крышей, где из окна открывался вид на рассыпанные по воде огни пирса. В комнате пахло солью и старым деревом, а мерный стук лопастей вентилятора убаюкивал. Белое бельё хранило в себе жёсткость морского шторма и тепло дневного солнца. В движениях Матео не было суеты. Его поцелуи оставляли невидимые следы, запоминая каждую линию моего тела. Он владел мной, не присваивая, словно знал главный секрет: то, что по-настоящему ценно, расцветает только в абсолютно свободных руках.

И тут я поймала себя на мысли, от которой едва не расхохоталась: вот я, топ-менеджер с безупречной репутацией, лежу на жёстком гаванском белье, а потолочный вентилятор лениво крутится надо мной, как единственный зритель этого

спектакля. Если бы босс увидел меня сейчас, он бы наверняка спросил: «Николь, а это точно входит в командировочные расходы?» Нет. И, пожалуй, пусть так и остаётся.

Когда он наконец вошёл в меня, я выдохнула — не от боли, не от напряжения, а от того, что впервые за многие годы почувствовала: меня хотят. Не «я тебя люблю и показываю это объятием». Не «я занят, но давай поставим галочку». Меня — хотят. Целиком. Без остатка. Без расписания.

Мы двигались в ритме, который не знал ни одного языка из моих пяти. Это был шестой — тот, который не выучить по учебнику. Матео вёл так же, как в танце — уверенно, чутко, оставляя мне пространство быть собой. И я была собой — не топ-менеджером, не женщиной, которая вечно ждёт, не женщиной с идеальным фасадом. Просто женщиной, которую держат крепкие руки на белом белье в тёплой гаванской ночи.

Потом мы лежали рядом. Вентилятор лениво крутился под потолком. За окном кричали ночные птицы, и где-то далеко звучала музыка — та самая сальса, но теперь медленная, сонная, как колыбельная. Матео молча перебирал мои волосы, и его пальцы двигались без цели, без задачи — потому, что ему нравилось.

И в этой тишине я вдруг поняла: это не про Матео. Это про меня. Про то, что я наконец-то выбрала себя. Не его — а момент, в котором мне можно быть живой. Матео — замечательный, тёплый, хищный, прекрасный. Но он — не ответ.

Он — вопрос, который задала мне моя собственная кожа. И ответом было не его имя, а моё дыхание — ровное, свободное, без страха.

Я не влюбилась в Матео. Я влюбилась в ту Николь, которая наконец-то позволила себе не ждать.

21 февраля

Утро в Гаване. Матео спал — красиво, безмятежно, с лёгкой улыбкой, как человек, которому не снилось ничего тревожного. Я смотрела на него и думала: вот мужчина, от которого не нужно было ждать. Не нужно было выпрашивать внимание. Не нужно было надевать лучшее бельё и молить о квартальном чуде. Он просто хотел меня — и показал это без слов, без отговорок, без звонка «Мамуля».

Я тихо оделась, думая уйти. Но Матео проснулся, потянулся и сказал:

— Сегодня я показываю тебе свою Кубу. Не ту, что в путеводителях. Настоящую.

И я осталась. Не потому что не могла уйти — потому что впервые за долгое время мне не хотелось бежать от момента.

Матео повёз меня в Виньялес — долину на западе Кубы, где табачные поля уходят за горизонт, а над ними поднимаются огромные, круглые горы, похожие на спины спящих динозавров. Местные называют их «моготами» — эти диковинные известняковые холмы, поросшие джунглями, будто кто-то посадил тропический сад на крыше каждого утёса.

Мы ехали по пыльной дороге на старом мотоцикле, и ветер бил в лицо тёплым, влажным воздухом, пахнущим табаком и землёй. Матео вёл уверенно, как всё, что он делал, — его руки на руле были теми же руками, что вчера скользили

по моей коже, и от этого простого совпадения у меня перехватывало дыхание.

Мы остановились у маленькой табачной хижины в самом центре долины. Старый кубинец с лицом, высушенным солнцем до текстуры ореховой скорлупы, показал нам, как скручивают листья. Матео попытался перевести для меня на английский:

— «Он говорит... лист должен быть... сухим, но не слишком...» — попытался Матео по-английски, подбирая слова. Он замолчал, потеревил ворот рубашки, посмотрел на старика, потом на меня. В его глазах мелькнула тень — не злости, а неловкости. Потом он махнул рукой и перешёл на испанский: — «Листья должны сохнуть медленно, с терпением. Как любовь» — *Las hojas tienen que secarse lentamente, con paciencia. Como el amor.*

Я ответила по-испански: «Поняла, спасибо». Матео выдохнул — физически, телом, будто отпустило что-то, что он держал в напряжении. Его плечи опустились на полсантиметра, и он улыбнулся — той открытой, детской улыбке, которая появлялась каждый раз, когда он мог говорить на своём языке. На английском он был осторожен, коротко стрижен, собран. На испанском — свободен, тёпл, смешон. Один человек, два режима. И я поймала себя на том, что второй мне нравится больше.

Потом мы пошли в джунгли — по узкой тропе, петляющей между деревьями, лианами и потоками, журчащими где-то

внизу. Воздух был густым, как сироп, и пах мхом, цветами и землёй. Матео шёл впереди, раздвигая лианы, и оглядывался на меня с такой улыбкой, будто ему нравилось вести меня — по тропе, по танцу, по чему угодно.

Мы нашли водопад — небольшой, но настоящий, с прохладной водой, падающей с каменного уступа в природную чашу. Матео сбросил рубашку и прыгнул. Я стояла на краю, глядя, как он выныривает, откидывает мокрые волосы и смеётся — открыто, по-детски, без хищного взгляда. Просто радуясь воде.

Я прыгнула следом. Холодная вода обожгла тело, разгорячённое тропической жарой, и я вынырнула с криком, который, наверное, вспугнул всех птиц в радиусе километра. Матео подплыл, притянул меня к себе, и мы целовались в воде, под водопадом, в джунглях, на другом конце света от Бруклина и его квартальных отчётов.

Вечером, в маленьком доме на краю табачной плантации, где хозяйева сдали нам комнату с окном на закат, мы лежали на узкой кровати под белым пологом и слушали, как за стеной сверчки дают симфонию, достойную Карнеги-холла. Матео целовал мои плечи — медленно, лениво, с тем бесконечным отсутствием спешки, которое я уже начинала узнавать как его подпись. Не «праздник плоти» на три минуты. А долгое, тягучее, как кубинский ром, прикосновение, которое длится и длится, и ему нет конца, потому что никто не торопится его заканчивать.

Его пальцы перебирали мои волосы, и я думала: вот человек, для которого «быть рядом» не значит «поставить галочку и уснуть». Для него «быть рядом» — значит трогать, чувствовать, дышать вместе. Вдох — выдох. Вдох — выдох. И в этом ритме, в этом шёпоте джунглей и шуме далёкого водопада, я заснула — глубоко, спокойно, без снов.

22 февраля

Утром Матео сказал: «Сегодня — океан». Мы поехали на пляж Варадеро, но не в туристическую зону с отелями и зонтиками, а туда, где песок белый, вода бирюзовая, а людей — столько, сколько пальм на берегу. То есть почти никого.

Мы шли по берегу босиком, и волны лизали наши ступни. Матео нашёл ракушку, приложил к моему уху и сказал: «Слышишь? Это Куба шепчет тебе, чтобы ты вернулась». Я улыбнулась и спрятала ракушку в кармане сарафана — она до сих пор там, пахнет солью и чем-то, чему нет названия.

Мы купались — не в том детском смысле, а в том, когда волна накрывает тебя с головой, и ты не боишься, потому что рядом сильная рука, которая не даст тебе утонуть. Матео держал меня за талию, и мы качались на волнах, и его губы пахли солью и солнцем. А потом он поцеловал меня прямо в воде — глубоко, жадно, с тем вкусом океана, который теперь навсегда останется на моём языке как вкус свободы.

Потом мы лежали на песке. Матео на спине, я — на его груди, слушая, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, как у человека, которому некуда спешить. Его пальцы лениво чертили что-то на моей спине — может, слово, может, узор, может, карту тех мест, куда мы ещё не дошли.

— Ты уезжаешь скоро, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Я знаю.

Тишина. Волны. Чайки. И в этой тишине — никакой боли, никакой мольбы, никакого «не уезжай». Просто — правда. Оба знали, что это было. Оба знали, что это кончится. И от этого — каждый момент стал дороже, каждый поцелуй — глубже, каждое прикосновение — печальнее и светлее.

Потом он попытался сказать что-то по-английски. Я видела, как он внутренне собрался, будто готовился к прыжку:

— «Я буду... помнить тебя» — *I will remember you.* Он произнёс это тихо, будто сам не был уверен, что имеет право обещать память.

Три слова. Три простых английских слова, которые он произнёс с тем усилием, с каким люди сдают экзамен по языку, который учили по ночам, в свободное от танцев время. Он не отвёл взгляд — на этот раз нет. Смотрел прямо, и в этом ломаном «Я буду помнить тебя» было больше уязвимости, чем во всех его испанских серенадах. Потому что на испанском он был богом. А на английском — просто мужчиной, который хотел сказать важное и боялся, что скажет неправильно.

— Я тоже, — ответила я. И впервые за весь год это была не полуправда, не красивая фраза, не самообман. Это была чистая, простая, честная правда.

Вечером, в последнюю ночь, мы вернулись в Гавану. На тот самый балкон, где всё началось. Город внизу дышал музыкой, огнями, тёплым ветром. Матео притянул меня к се-

бе, и мы танцевали — без музыки, без зрителей, без паркета. Просто двое людей на старом балконе, в тёплой ночи, и между ними — всё, что было, и всё, чего не будет.

А потом мы любили друг друга — на этот раз медленно, тихо, с той нежностью, которая приходит только когда оба знают, что это в последний раз. Не отчаянно, не жадно — а бережно, как держат в ладонях воду, зная, что она просочится сквозь пальцы, и всё равно не разжимая рук.

23

февраля

Утром я собралась. Матео не спал — сидел на краю кровати, смотрел, как я укладываю вещи. Не помогал, не мешал, просто был рядом.

Я оставила на тумбочке записку: «Спасибо за танец. И за всё остальное. И за Кубу».

На пороге обернулась. Он стоял в дверном проёме — бо-сой, в мятой рубашке, с той улыбкой, которая была первой вещью, которую я в нём заметила, и последней, что я забрала с собой.

— Матео.

— Да?

— Я не ждала тебя. Я не искала тебя. Но ты нашёл меня там, где я, оказывается, потеряла себя. Спасибо.

Он кивнул. Ничего не сказал. И в этом молчании было больше, чем во всех словах, которые я слышала за пятнадцать лет.

Я вышла в тёплое утро, пахнущее кофе и морем. И не оглянулась. Не потому что не хотелось. А потому что знала: лучшее, что я могу забрать из этого места — не ракушка в кармане и не вкус соли на губах. А то, что я наконец-тошла. Себя.

25

февраля

Вернулась в Нью-Йорк. Утка на месте — кто-то аккуратно протёр ей бантик. Босс прислал четыре «СРОЧНО!» и одно «Доброе утро», что по его меркам равносильно объятию. Карлос написал: «Скучал. Как отдохнула?» Я ответила: «Замечательно». Всё правда.

Сегодня утром, на коврикe, впервые за весь год я поймала себя на мысли: мне хорошо. Не с Карлосом, не с Матео, не с работой. Просто мне — хорошо. С собой. Коврик, дыхание, тишина. И, может быть, одно слово по-корейски, которое я наконец-то выучила правильно. Оно означает «свобода».

28

февраля

Последний день февраля. Утренняя йога, корейский, кофе. Я оглядываюсь на этот месяц и понимаю: Гавана меня всё-таки сдвинула. Не превратила в другого человека — просто вернула мне ту, которую я давно откладывала на потом. Я позволила себе быть живой. И не позволю Нью-Йорку снова превратить меня в функцию. По крайней мере, без боя.

А ещё я думаю о праве женщины быть собой — без

вечной попытки соответствовать чьему-то представлению о правильной жизни. Мне больше не хочется торопиться, сиять для чужих глаз или доказывать, что со мной всё в порядке. Я просто хочу быть собой. В тёплой гаванской ночи, на белом белье, в крепких руках мужчины, который не просил меня ждать. В джунглях Виньялеса, под водопадом, в бирюзовой воде Варадеро — там, где я перестала быть функцией и снова стала женщиной.

ПРАВИЛО ИДЕАЛЬНОГО СЛИЯНИЯ

№ 2

Время не исправит чужие сомнения. Годы, проведённые в режиме ожидания, — это не доказательство верности, а медленная растрата жизни. Если тебя слишком долго держат на дистанции, возможно, пора перестать верить туманным обещаниям и выбрать настоящее.

Март

2

марта

Париж. Командировка. Босс отправил меня на двухдневную встречу с французскими партнёрами — те заподозрили в финансовых отчётах какие-то нестыковки и потребовали личного присутствия. Шеф даже не пытался скрыть облегчение: «Николь, ты единственная, кто сможет им всё объяснить и не уснуть при этом». Спасибо за доверие, шеф. Париж, март, командировка — романтика корпоративного размаху.

Встречи прошли жёстко. Французы торгуются так, будто каждый евро — их последний. К полудню второго дня я закрыла все вопросы, и партнёры вручили мне конверт с подписанным протоколом. Профессиональный триумф — тот самый момент, когда я точно знаю: я хороша. Не на бумаге, не в чужих отзывах — здесь, сейчас, в этом зале, где пахнет кофе и старым деревом.

После встреч у меня было три свободных часа до самолёта. Я вышла на Сену. Мартовский Париж серый, прохладный, с тем особенным светом, от которого хочется либо плакать, либо написать роман. Я не написала роман, но чуть не расплакалась.

На набережной я увидела женщину. Она шла, держа за ру-

ку девочку лет четырѐх. Девочка споткнулась, женщина наклонилась, подняла её, что-то шепнула на ухо, и они пошли дальше — держась за руки, медленно, никуда не торопясь. Простая картинка. Обычная. Но от неё у меня сжалось что-то внутри — там, глубоко, куда не дотягиваются квартальные отчёты.

Я стою на набережной Сены, смотрю им вслед и думаю: мне сорок два. Я закрываю сделки на миллиарды, говорю на пяти языках, только что выбила из французов условия, которые они считали неприемлемыми. И при этом я не могу закрыть одну-единственную сделку в собственной жизни.

Приходит на ум история Наполеона и Жозефины. Он писал ей с полей сражений часто, пылко, почти лихорадочно. Письма были полны тоски и обещаний, а Жозефина тем временем жила своей жизнью и не спешила отвечать так, как ему хотелось. И всё же он продолжал писать. Эта история всегда казалась мне странной смесью страсти, власти и ожидания. Наверное, поэтому я её и запомнила. Любовь не становится здоровее только потому, что её много.

Я — не Жозефина и не Пенелопа. Я — гибрид: убегаю, живу, возвращаюсь и снова жду. Пенелопа ждала Одиссея двадцать лет — и тот хотя бы был в пути. Воевал, блуждал, потерял всех, но — был в пути. Ждать того, кто в пути, — романтично. Ждать того, кто сидит на диване и звонит маме в Буэнос-Айрес, — клинический случай.

марта

Перед вылетом из Парижа зашла в маленький бутик белья. Не в туристический, на Елисейских полях, а в тот, который нашла случайно, свернув не в ту улицу. Тихий, с сиреневыми стенами и продавщицей, которая говорит по-французски так, будто декламирует стихи.

Я купила комплект цвета спелой сливы. Не для Карлоса. Для себя. Впервые в жизни я выбрала бельё, не представляя, кто его увидит. Просто потому, что мне хотелось, чтобы на моей коже был этот цвет — тёмный, глубокий, с лёгким фиолетовым отливом, как сумерки над Сеной.

Вышла из бутика с пакетом, который не стыдно нести по улице, и вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь. Не потому что купила красивую вещь — а потому что впервые выбрала что-то не для чужого взгляда. Для своего тела. Для своего удовольствия. Мелочь? Может быть. Но после восьми лет белья «для Карлоса» это был мой маленький, тёплый, сливовый бунт.

5

марта

Вернулась в Нью-Йорк. Утка на месте — не сдвинулась ни на миллиметр, хотя я оставляла её без присмотра на четыре дня. Верность, достойная уважения.

Карлос написал: «Как Париж?» Я ответила: «Прекрасно. Можем поехать вместе в следующий раз». Он ответил: «Может, летом».

Четыре слова. И одно из них — «может».

Раньше я бы расстроилась. Потом обиделась. Потом позвонила бы Тане, и мы бы долго и зло шутили про аргентинских мужчин и их мамины мелодии. А сейчас я просто посмотрела на экран, отложила телефон и пошла на коврик. Двадцать минут тишины. Двадцать минут — мои.

После йоги я открыла блокнот и записала: «Может, летом — это не отговорка. Это диагноз. Мой диагноз — в том, что я восемь лет принимаю диагноз за план».

Где-то мне попадалась мысль Андре Жида о том, что нельзя открыть новые океаны, не потеряв берег из виду. Не уверена, что Жид именно это имел в виду, но я интерпретирую по-своему: мой берег — Карлос. Пока я держусь за него, я не открою ничего. Океан ждёт, а я стою на берегу и кричу волнам: «Может, летом!»

8

марта

Сегодня Международный женский день. В Америке этот праздник почти не отмечают, но я родилась в другой стране, и мартовская восьмёрка навсегда вшита в мой календарь. Карлос, разумеется, не знает о его существовании. Что, в общем-то, логично: он и мой день рождения иногда путает с днём основания своей архитектурной фирмы.

Таня прислала голосовое: «С восьмым марта, королева! Сегодня ты не закрываешь сделки — ты закрываешь глаза на всех мужиков и пьёшь шампанское. Я бронирую столик

на вечер. Не спорь». Я не спорила. Когда Таня говорит «не спорь», спорить — себе дороже.

Вечер с Таней. Ресторан в Вест-Виллидж — маленький, тёплый, с такими низкими потолками, что Карлос бы упёрся головой в балку. Может, поэтому я его сюда и не зову.

Таня сидит напротив меня с бокалом вина и фирменной ухмылкой, которая говорит: «Я пришла повеселиться, но если ты начнёшь ныть про Карлоса — я уйду». Я не начала. Она сама начала.

— Я подаю на развод.

Я замерла с вилкой. Это было неожиданно — не потому что Таня не жаловалась на мужа. Жаловалась. Часто, зло, со вкусом. Но «жаловаться» и «подать» — разные глаголы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.